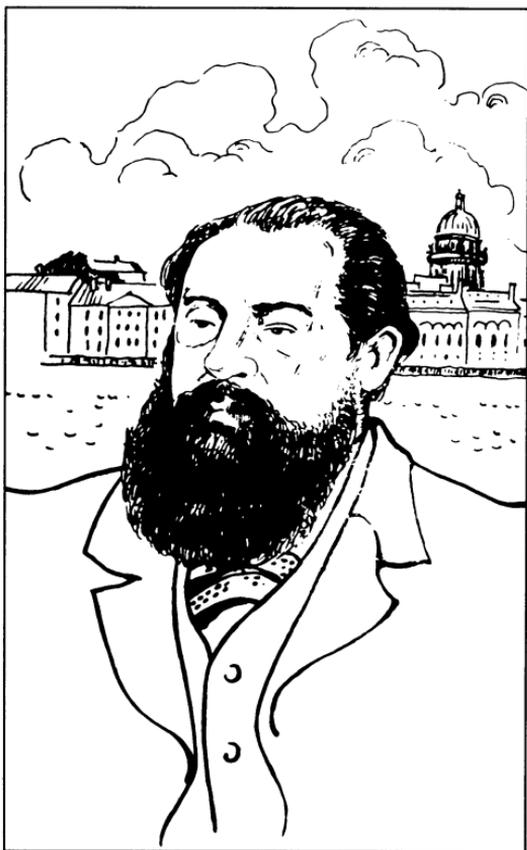

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

Николай Лейкин

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ТЕРРА»
КНИЖНЫЙ КЛУБ

НОВЫЙ ГОД

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

Издается с 1925 года

НИКОЛАЙ ЛЕЙКИН

НОВЫЙ ГОД

Издательский дом «Огонек» — «Терра—Книжный клуб»
Москва — 2008

ОБ АВТОРЕ

Замечательный русский писатель Николай Александрович Лейкин (1841—1906) был одним из крупнейших юмористов второй половины XIX века. В свое время его имя с почтением произносилось и воспринималось наряду с именами Помяловского, Слепцова, Курочкина, Минаева, Михневича и многих других самобытных писателей. Выходец из купеческого сословия, Николай Лейкин сам купцом не стал. В девятнадцать лет он начал писать, сотрудничал в демократических изданиях и в 1860-х годах сложился как очеркист просветительской ориентации. Лейкин родился и почти безвыездно прожил в Петербурге, наблюдая жизнь столичного купечества, низшего чиновничества, лакеев и кухарок, разных мошенников и мелких махинаторов. Как замороженный он почти сорок лет вглядывался в окружающий его людской муравейник и при этом много и упорно работал: редактировал, писал бесчисленные сценки и очерки, короткие повести и рассказы, написав за свою жизнь несколько тысяч произведений...

Уважаемые читатели!
Ваши отзывы и предложения отправляйте по адресу
bibl@kkterra.ru

© Издательский дом «Огонек»,
внешнее оформление, 2008
© Терра—Книжный клуб, 2008

НОВЫЙ ГОД

(Сцены)

Новый год. Утро. Еще и десяти часов не било, а уж в зале у купца Обрубаева в углу был поставлен стол, покрытый белой скатертью, и на столе стояла закуска: пирог с семгой и вязигой, селедки, икра, сыр, сардинки и целая шеренга бутылок с самыми пестрыми ярлыками и графины с серебряными ожерельями, в которые были вставлены бумажки с надписями вроде следующих: «на косточках», желудочная, «для живота». На двух же графинах с простой водкой надписи гласили: на одном — «купеческая», на другом — «монашеская». Сам хозяин Иван Лукич, полный мужчина в новом сюртуке и с напомаженною полуседою бородою, изпод которой виднелись две золотые медали, скрипя ярко вычищенными сапогами, важно ходил во комнате, вполголоса напевал «прежде века от отца» и ожидал гостей, долженствующих явиться с визитами.

По залу пробежала горничная с целым ворохом туго накрахмаленных юбок и скрылась в гостиной, где одевались жена и дочь Ивана Лукича. Оттуда послышался пискливый женский голос:

— Ах, Марья! Боже мой! Срам какой! Да что же ты двери-то?..
Двери притворились.

В прихожей на ясном ларе, как раз под дверным колокольчиком, сидел мальчик Ивана Лукича, который украдкой вынимал по кусочкам из брючного кармана какой-то пряник и ел его, стараясь не чавкать губами. Когда хозяин подходил к дверям или заглядывал в прихожую, мальчик вскакивал с места и переставал жевать.

В прихожей раздались шаги, откашливанье в кулак, и в залу вошли молодцы Ивана Лукича.

— С Новым годом! С новым счастьем! Дай Бог!.. Сто лет... — заговорили они и закланялись.

— Спасибо, спасибо! — отвечал хозяин. — У ранней обедни были?

— Проспали, грешным делом, — отвечал кто-то из бойких.

— Трафили, да не вышло-с, — откликнулся один из них.

— Нехорошо. А ежели Бог нас забудет так, как вы забыли Его? Знаете притчу о девах со светильниками?..

— Знаем-с, только Бог милостив.

— Ну, вот выпейте водки да закусите.

Молодцы подошли к столу, стали наливать рюмки.

— Закусывайте чем-нибудь одним, чтобы закуску-то не портить, а то только растреплете, — сказал хозяин.

Молодцы выпили и начали тыкать вилками в селедку.

— Ну, теперь с Богом! В лавку пора. Давеча у меня Власов был, я ему сказал, чтоб в два часа запираться.

Власов был старший приказчик.

Молодцы начали переминаться с ноги на ногу и не уходили.

— Дозвольте после запору со двора?.. — проговорил один из них.

— Ладно, я сказал Власову. Поди, денег нужно?

— Малую толику требуется-с.

— Он по три рубля выдаст. Да смотрите у меня, не напиваться!

— Зачем напиваться... Господи!

— Ну с Богом.

Молодцы поклонились и вышли, доедая по дороге куски булки.

Иван Лукич заглянул в прихожую.

— Сенька! Перетри рюмки да поставь их на место, — сказал он мальчику.

Тот бросился было исполнять хозяйское приказание, но в это время раздался звонок. Иван Лукич посмотрелся в зеркало и поправил медали. В гостиной что-то зажужжало, и дверь захлопнулась еще плотнее.

— Из Туликовых бань парильщики! — доложил в дверях мальчик.

— Сейчас, — проговорил Иван Лукич и вышел в переднюю.

В передней стояли мужики и обтирали о половик сапоги.

— С Новым годом! С новым счастьем, Иван Лукич! Дай Бог вам... — заговорили мужики.

— Спасибо! — отвечал Иван Лукич и, обратись к мальчику, проговорил: — Принеси в столовую. Войдите, ребята, вон в ту комнату, — указал он мужикам.

Мужики вошли в столовую и начали креститься на образа, помещавшиеся в углу в роскошной божнице.

— Божие-то милосердие! Мать Пресвятая!.. Эко богатство... Царица Небесная! — проговорил один парильщик, кивая на серебряные образа, ткнул другого в бок и тихо прибавил: — Поди, ведь вся тысяча тут.

Иван Лукич подбоченился и самодовольно крикнул.

— Что, в среду бани не топили?

— Нет-с, Иван Лукич. Ведь у нас этого заведения нет. Перед Рождеством ежели да перед Пасхой топим, а перед Новым годом зачем? — отвечал парильщик, кашлянул, хотел плюнуть, но, не нашедши на полу приличного места, плюнул в руку и отер ее о тулуп.

— Долгонько у нас, Иван Лукич, не изволили быть, — прибавил другой парильщик.

— Как долгонько? накануне сочельника был...

— Это точно-с, только с тех пор, Иван Лукич, много воды утекло...

Мальчик внес в столовую четвертную бутыль и стакан, сзади его кухарка несла край пирога.

— Ну-ко... — сказал хозяин и взялся за бутыль.

Парильщики перекрестились. В прихожей опять раздался звонок.

— Сторожа из рынка! — проговорил вошедший в столовую мальчик.

— Зови.

В столовую вошли сторожа в бараньих шубах, крытых синим сукном, и с головами, жирно намазанными деревянным маслом. Начались поздравления.

— Ну, вот за один скрип и начинайте! Господи благослови! — проговорил хозяин, налив стакан водки.

— Сами-то, отец наш, пригубите! Сами-то... — упрашивал один из парильщиков.

Хозяин отпил полстакана. В двери заглянула голова хозяйки.

— Иван Лукич, поди-ко сюда.

Тот подошел.

— Ты с утра-то не очень... ведь еще много придется...

— Господи! Знаю. Неужто я несмышленок? — отвечал тот и отошел от двери.

Началось водкопитие. Толпа поздравителей еще усилилась. Пришли счетчики из банка.

— Подходите, подходите! не задерживайте... — говорил хозяин, то и дело наполняя опорожняемый стакан.

Четверть была уже наполовину выпита... Парильщики, сторожа и счетчики запихивали в рты куски пирога. Разговорчивый парильщик, прожевав кусок, подошел к хозяину, умильно взглянул на него и сказал:

— А посмотрю я, Иван Лукич, много вас народу чествует. Страсти Божий!.. И всех-то вы по своей доброте угощаете и денежной милостью оделяете... Как подумаешь, так праздник-то — и ах как! — в копеечку вскочит! Конечно, вы купцы богатые и можете пол-Питера накормить, а все-таки...

Хозяин самодовольно улыбнулся и заговорил:

— Это еще что, это ты и четверти не видишь. Еще дворники придут, мусорщики, сторожа из трех церквей, трубочисты... Да мало ли народу ко мне с поздравлением ходит! Видишь четвертную бутылку? Вот эдаких у меня шесть припасено, а к вечеру, может, и одной не останется...

— Ведь эта самая доброта ваша, Иван Лукич, на том свете зачтется-с, верьте совести... — вставил слово рыночный сторож, кашлянул и умильно взглянул на хозяина.

— А в Рождество? В Рождество у меня из десяти церквей попы были, — продолжал тот, — с двух подворьев монахи и два хора певчих. Один хор я так накати, что мои молодцы их на руках вынесли и, как дрова, в кареты поклали... А почему? Потому я это самое хлебосольство люблю...

— Зачтется-с. Ей-ей — зачтется...

— Это точно-с... Потому сказано: блажен раб еже... — начал было счетчик, но не докончил и запихнул в рот кусок пирога...

— К вам письмо-с... Какая-то девочка принесла, — проговорил вошедший мальчик и подал письмо...

— Знаю. Надо стать, на бедность просят, — сказал хозяин и прочел конверт: «Его боголюбю, господину купцу Ивану Лукичу Обрубаеву...»

Присутствующие слегка наклонили головы и начали слушать. Хозяин разорвал конверт и, растягивая слова, начал читать письмо. В письме стояло следующее:

«Будучи обременена четырьмя малолетними младенцами и мужем, по жестокосердию сидящим в долговой тюрьме, будучи не в силах снискивать себе пропитания трудами рук своих, по причине одержимости болезнью и будучи беременна пятым, наслышась о вашем благочестии и незыблемой жажде утешать страждущих, молю, ваше боголюбие, о помощи, дабы я с младенцами в сей первый день года могла вознести мольбы к Всевышнему о вашем, а равно и семейства вашего здравии».

Следовала подпись.

— На рубль. Дай ей, — сказал Иван Лукич, доставая из толстого бумажника бумажку, и подал мальчику.

— Зачтется, зачтется, — заговорила поздравляющая братия, умильно заглядывая в бумажник, из которого выглядывали всех цветов депозитки.

Распоив почти всю четверть и оделив каждую партию по рублю, хозяин простился, ушел в залу и запел было «Диво днесь», но раздался звонок.

В комнату вошел гость в усах, с длинным носом, в чиновничьем мундире и со шпагой...

— Алексей Иваныч! Батюшки! Совсем офицер при шпаге!.. — заговорил хозяин и облобызался с гостем. — Что это вздумалось? Служишь, что ли, где?

— В приюте... Внес-с перед праздником... Потому оно лучше... По крайности на городскую службу не выберут и опеки не навяжут.

— Да ведь разные опеки бывают. Можно хорошую достать. Вон у Манькова. Торговать не надо — вот какая опека!..

— Ваши здоровы ли?

— Пудрятся. Все еще одеться не могут! Известно — женщины! Анна Ивановна! — крикнул Иван Лукич...

— Ах господи! Да сейчас! — послышалось из гостиной.

— Не тревожьте их, потому я на минутку...

— Хереску...

— Да неловко с утра-то! Разве уж с вами! Еще у Платона Иваныча придется выпить. Там уж не отговоришься... По начальству приютскому еще надо съездить...

— Одну-то ничего.

Хозяин и гость выпили по рюмке, причем гость как ни изловчался, никак не мог выпить, чтобы не обмочить в рюмке кончика своего длинного носа.

— Как торгуете?

— Да ничего, слава богу! На порядках... — отвечал гость, запихивая себе в рот кусок сыру. — У нас сыр-то важный! Пришлите, я вам отпущу...

Заслыша звон рюмок, супруга Ивана Лукича тотчас же выплыла из гостиной. Это была толстая женщина с двойным подбородком и заплывшими жиром глазами.

— Ты опять, я слышу, тут пьешь? Поудержись с утра-то. Ведь еще к генералу ехать надо, — проговорила она мужу и поздоровалась с гостем.

Сзади ее следовала дочь, молоденькая девушка в синем шелковом платье. Началось удивление мундиру гостя. По требованию девушки гость даже вынул шпагу из ножен и объявил, что заплатил за нее десять рублей.

— Охота это вам в чиновники? — спросила она. — Чиновники такие смешные...

— Ничего, так лучше... — отвечал ни к селу ни к городу замаявшийся было гость, но супруга Ивана Лукича вывела его из замешательства.

— Пелагея Ивановна здорова ли? — спросила она.

— Все хворают.

— Я сама: то мелькание в глазах, то дрожание в ногах... У ранней обедни были?

— Проспали-с. Да Поличка не ходят к ранней обедне... Они слабы...

— Нет, я люблю, потому потом днем хорошо спишь. В театре были на праздниках?

— Как же. «Запретный плод» смотрели. Ничего, только много морали на женщин и на мужчин напущено.

Гость начал прощаться. Хозяин предложил «выпить на дорожку». Жена было начала его останавливать, но Иван Лукич все-таки выпил. Гость ушел.

В залу вошел пожилой мужчина в порыжелом длинном полом сюртуке. За руку он вел маленького сына лет семи.

— С Новым годом! С новым счастьем! — заговорил он, подобострастно кланяясь каждому члену семейства.

— А, Гонцов, здравствуй! Как маешься? — сказал хозяин и подал гостю по-генеральски два пальца...

— Перебиваемся помаленьку, пока Бог грехи терпит, Иван Лукич, — отвечал гость и обеими руками схватил два хозяйские пальца. — Вот крестника вашего привел.

— Здравствуй, здравствуй, молодец! Поди, я тебя поцелую.

— Нет, позвольте-с, дайте ему прежде свое дело исполнить, — и отец загородил собою сына. — Скажи рацею тятеньке крестному! Он вам рацею выучил.

Иван Лукич подбоченился и начал рассматривать ребенка. Тот смутился и заплакал.

— Не плачь, не плачь, говори же. Ведь ты знаешь... — ободрил его отец.

— Да не надо. Полноте вам ребенка-то мучить... — откликнулась супруга Ивана Лукича.

— Как не надо, помилуйте. Мы ему две недели в голову вбивали.

Кое-как наконец ребенок пришел в себя и сквозь слезы начал:

С Новым годом поздравляю,
Папа крестный дорогой,
Счастья, радости желаю
И чтоб жить вам век большой,
Дай вам Боже многи лета... и т. д.

Во все время чтения отец так и юлил около сына. Гладил его по голове, подпихивал в спину и подсказывал слова, вроде: «чтоб усыпать ваш путь», «не закатились дни» и т. п. Ребенок наконец кончил, раздвинул полы отцовского сюртука и уткнулся отцу в брюхо.

— Ах какой безобразный мальчик! Ах какая дрянь! Ну так ли я тебя учил? — бормотал отец, вытаскивая его из-под своего сюртука. — Скажи: пожалуйста, тятенька крестный, ручку поцеловать.

Не дожидаясь ответа, Иван Лукич тотчас же сам сунул к губам ребенка руку и полез в бумажник.

— Ну вот тебе на пряники! — проговорил он, доставая зелененькую бумажку и подавая ее крестнику.

— Благодарю, благодарю. Целуй еще ручку!

— Не надо! не надо! — говорил Иван Лукич. — Вот выпей лучше водки да закуси, — сказал он Гонцову.

— Раненько будет, а впрочем, позвольте...

Жена и дочь Ивана Лукича тотчас же схватили ребенка и начали его целовать. Гонцов приблизился к столу с закуской.

— Что же выпить прикажете? — спросил он.

— Пей что хочешь.

— Мадера, желудочная, монашеская, купеческая, — прочитал он ярлыки. — Я уж купеческую...

— Пей. Это сподручнее. Ты хоть и прогорелый, а все-таки купец Пей двухспальную... Что маленькую рюмку-то наливаешь? Ведь любишь. Уж скрываться-то нечего. Эво нос-то какой! Сизо-красный с крапинками.

— От золотухи-с.

— Знаем мы эту-то золотуху...

Вошел еще гость. Это был мужчина лет тридцати пяти в отрепанном фраке, в грязной рубашке и в дырявых сапогах. В руках он мял фуражку с кокардой.

— С Новым годом, Иван Лукич! — проговорил он, пришепетьвая, и протянул было хозяину руку, но тотчас же спрятал руки за спину.

— Иди вон к дамам, морочь тех. Те любят. Который порог сегодня обиваешь? — крикнул он ему вслед.

— Всего еще седьмой визит. Еще рано... — нисколько не смутившись, отвечал гость и направился к дамам.

— Павел Андреич? Павел Андреич! — заговорили те и начали засыпать вопросами: был ли он вчера на вечере у Жгутиковых, в чем была одета Марья Ивановна, когда будет свадьба у Горелкиных, кто будет крестить у Федоровых, что дают в приданое за Катенькой: рояль или фортепьяно? и т. п.

Павел Андреич, как мог, удовлетворял их любопытство и сообщил вдобавок, что у Хариных затевается свадьба.

— Готовьте наряды, — добавил он.

— Кто сватал?

— Лукерья Никитишна...

— Скверная баба! — отвечала хозяйка. — Мы ее больше не принимаем. Ей тут как-то у нас в дверях нос прищемили, а она сейчас скандал... Иван Лукич ее и выгнал.

— Кто это? — спросил тихонько Гонцов, наклоняясь к уху хозяйина.

— А так, оболтус! — громко отвечал хозяин. — Дурак он или дураком прикидывается, черт его знает, а по всему купечеству ходит. Выгонять его — он нисколько не обидится. Старухи его за святого, за юродивого считают. Вот посмотри. Эй, Мордохаев! — обратился он к Павлу Андреичу. — Правда говорят, тебя у Набилиных выпороли?

— Нет-с, как возможно, — с улыбкою отвечал тот, — что вы? Только всего и было, что за уши выдрали.

— Вот видишь. Шут гороховый и больше ничего. Однако мне пора! Кой-куда съездить надо, — сказал Иван Лукич. — Ты, Гонцов, посиди еще... Куда тебе торопиться? Анна Ивановна припасла тебе там мой сюртук да еще кой-что. Сюртук мне узок, а тебе годится. Она тебе отдаст.

Гонцов поцеловал хозяйина в плечо. Тот начал прощаться. Жена провожала его в прихожую.

— Иван Лукич, уж удержишься сегодня от вина-то. Не пей много, — сказала она. — Не езди, главное, в эту прорву-то, на Гутуевский.

— Да знаю! Господи! Неужто уж так набросимся? Эка невидаль! — отвечал муж и ушел.

У ворот его ждал рысак, запряженный в сани с медвежьею поlostью. Иван Лукич сел.

— К генералу, — сказал он кучеру.

Рысак помчался. На улице было множество народу. Все сновало взад и вперед. Извозчики с каким-то остервенением гнали лошадей и подвозили седоков от подъезда к подъезду. Мчались в колясках офицеры в парадной форме, летели на лихачах купеческие сынки в ильковых шинелях и глянцевых «циммерманах». У подъездов вылезали мундирные чиновники в треуголках. У некоторых из-под шуб выглядывали белые штаны с лампасами. Всякий считал за нужное сделать по крайней мере десяток визитов, и всякий проклинал эти визиты.

Рысак остановился у подъезда. Швейцар распахнул дверь и бросился высаживать Ивана Лукича.

— Дома?

— Для кого дома нет-с, а для вас дома. Пожалуйста! С Новым годом-с.

Иван Лукич вошел в подъезд и дал швейцару рубль.

С лестницы сбежал лакей.

— Доложи, что купец Обрубаев приехал, — крикнул швейцар лакею. Тот поздравил также с Новым годом, получил рубль и бросился наверх по лестнице.

В прихожей Ивану Лукичу опять встретились лакеи и начали его поздравлять. Он оделил их по рублю и наконец добрался до кабинета. Из кабинета вышел фронт камердинер с бакенбардами в виде котлет.

— А, Иван Лукич! Пожалуйста! С Новым годом!

Иван Лукич сунул ему три рубля...

Генерал сидел у письменного стола в белых штанах, бархатной домашней визитке и курил сигару.

— А, Обрубаев! здравствуй! — проговорил он, слегка подымаясь со стула, и протянул Ивану Лукичу два пальца.

— С Новым годом! Приехал вам засвидетельствовать почтение!

— Спасибо, садись...

— Ничего, постойм-с, — проговорил Иван Лукич, однако сел на кончик стула.

— Ну как, богатеешь?

— Да коли ежели облагодетельствуете подрядами, не пропадем.

— Ты знаешь, я беспристрастен...

— Это точно-с.

— Куришь сигары?

— Балуюсь.

Благодетель встал и направился к этажерке, где лежали сигары. Иван Лукич, воспользовавшись этим случаем, тотчас же вытащил из кармана толстый пакет и опустил его в стоящую на столе благодетельскую шляпу. «Ну слава богу, как гора с плеч свалилась», — подумал он; сделав этот маневр, он от радости забарабанил себя по коленкам.

— Вот сигары. Кури!

— Нет уж, благодарю покорно, я лучше с собой возьму и дома на досуге выкурю. А теперь мне пора...

Иван Лукич начал прощаться; благодетель опять подал ему два пальца.

— Слышишь, мне бы рысака вороного нужно, — сказал он. — Вы, купцы, рысаками-то славитесь. Узнай, не продает ли кто пошевле?

— Будьте покойны!.. Рысак будет. Прощенья просим! — и Иван Лукич задом вышел из кабинета.

— Ребятишки, Иван Лукич, пообносились, — проговорил снова встретившийся с ним камердинер. — На днях я к вам забегу в лавку. Нет ли остаточков? Отложите...

— Ладно, ладно! Забегай! Все будет!

— Фулярчик бы привезли, сморкаться не во что... Коли приедете, привезите какой-нибудь бракованный, — шепнул ему швейцар, подсаживая его в сани.

— Ладно, ладно! Привезу! — отвечал Иван Лукич и крикнул кучеру: — Пошел!

Рысак помчался...

— На Гутуевский остров! К свояку!

Опасения супруги сбылись, Иван Лукич поехал в «прорву». По уверению ее, свояк был такой человек, что от него даже «махонький мальчишка» не возвращался трезвым, не только что взрослый мужчина. А Иван Лукич был взрослый мужчина и выпить любил.

Вечером того же дня, часов в одиннадцать, только что вставший ото сна Иван Лукич сидел в зале за столом в халате и читал святцы. На столе стоял огромный графин квасу, стакан и тарелка с водой, в которой плавала синяя бумага. Такая же мокрая синяя бумага была наклеплена на переносицу Ивана Лукича. Под бумагой был синяк и царапина.

— Иван Лукич! Что ж ты будешь ужинать-то, что ли? Коли будешь, так иди, — сказала вошедшая в комнату супруга.

— Нет, не буду. Я лучше квасу, — отвечал Иван Лукич и наклонился над книгой.

— Ишь, до чего пьют! Господи! Вот тебе и Новый год! — пробормотала она, вышла в столовую и захлопнула за собою двери.

ПОЛУЧЕНИЕ МЕДАЛИ

(Святочные сцены)

Святки. Вечер. Десять часов. Семейство купца Парамонова только что отужинало и собиралось спать. В кухне кухарка гремела посудой; из молодцово́й доносилось сдержанное бряцанье на гитаре. В зале, на диване, за круглым столом, сидел сам глава семейства Захар Иванович и читал святцы. Он был в халате, по временам икал, крестился и позевывал. Рядом с ним помещалась супруга его, Прасковья Никитишна, и штопала чулок, вздетый на стакан. За тем же столом гадала на «Царе Соломоне» семнадцатилетняя дочь их Грушенька и сидел, приткнувшись боком, двенадцатилетний сынишка Павля. Он держал в руках «уродскую маску» с изображением на носу красного рака и прорезывал в ней ножницами рот. Захар Иваныч посмотрел на работу сына и сказал:

— Все глупостями занимаешься. Нешто я затем купил тебе маску, чтоб ты ее портил?

— Я не порчу, тятенька, а рот прорезываю. Завтра ряженые пойдем, так чтоб гостинцы можно было есть. Теперь и не снимаючи ее можно что угодно в рот запихать.

— Гостинцы можно в карман, а съесть дома.

— Это вы про густое говорите, а ежели варенье? — задал вопрос сын.

— Все-таки не годится... Маска бы и на будущий год послужила.

— Ну уж это дудки, чтоб после Крещенья погань в доме была! Все в печь! — огрызнулась супруга и прибавила: — Тебе жалко, коли ребенок занимается...

— Нешто это занятие?

— Все лучше, чем целый день на «Царе Соломоне» гадать да по кошкам вешаться...

Дочь отпихнула от себя книгу.

— Так и знала, что попрекнете, — сказала она. — Что ж мне делать-то?

— Дырья на себе штопать, — отвечала мать, — а то целый праздник иглы в руки не брала.

— На то и праздник... да и где ж на мне дыры. В гости не пускаете, к себе никого не зовете... Отчего к Скрыпиным гостить не пустили? На Святках все девушки друг у друга гостят!

— Ну уж это и из головы выбрось, чтоб тебя на Святках в Ямскую гостить отпустил, — вставил слово отец.

— Это еще отчего? Что там, поганое место, что ли?

— Не поганое, а испортишься, потому там теперь солдаты стоят.

— Так что ж, что солдаты? Солдаты не съедят.

— Ну уж это мы знаем, съедят или нет. Зови, коли хочешь, этих самых Скрыпиных к себе гостить! Перин, слава богу, хватит.

— Так сейчас они и пойдут теперь от веселья! Они теперь каждый день то с офицерами в приятных разговорах, то в клубе, то в театре... Третьего дня вон говорящую куклу смотрели. А у нас что?

— Погоди, вот замуж выдадим, так и у тебя будет говорящая кукла.

— А и в самом деле пора! Совсем от рук отбилась девчонка! Завтра же пошлю за свахой Лукерьей: пусть ей жениха ищет, — сказала мать.

— Хоть бы в театр сводили, хоть бы в клуб съездили! Праздники проходят, а никакого развлечения...

— Развлечения, развлечения... — передразнил ее отец. — Иди вот завтра с Павлей ряженая. Вывори мою старую шубу, а на маску я дам гривенник. Вот тебе и развлечение! Попляшешь.

— Чтобы за мальчишку приняли да уши натрепали. Благодарю покорно! Лучше уж дома страдать...

— Где ж это уши треплют? Вся беда, что не впустят...

— А то и выгонят вон. Вы вон сегодня три компании ряженных из молодецкой вон выгнали и еще сулили за хвост да палкой.

— Мало ли что сулил.

— Уж коли идти ряжеными, так надо костюмы в табачной взять...

— Карету золотую еще не прикажете ли? Ну, баста. Или молчи, или убирайся спать! — закончил отец.

Девушка заплакала и, взяв «Царя Соломона», отправилась в другую комнату. Отец начал зевать во весь рот и закрыл святцы.

— Досадно, что я сегодня в баню не сходил. Все тело как-то... — начал было он и не докончил фразы. В прихожей раздался сильнейший звонок.

Все встрепенулись. Прасковья Никитишна перекрестилась.

— Ах, тятенька, это, верно, опять ряженные... — сказал Павля.

— А и то, пожалуй... Не пускать, не пускать! Нет их! Еще стянут что-нибудь. Вон у Сидоровых вчера часы пропали, — заговорил Захар Иваныч. — Марья! Не пускай! Дома, мол, нет. Спать легли! — крикнул он суетящейся в прихожей кухарке.

— Купца Захара Иваныча Парамонова... — слышался за дверями чей-то бас.

— Дома нет! Дома нет! — кричала кухарка.

— Все равно. Примите и распишитесь. К ним бумага.

— Не впускай, кричи, что дома нет! — ободрял кухарку хозяин. — Знаем мы эти бумаги-то! Народ тоже! Бумагу придумают, только чтоб влезть!

— Дома нет! Хозяин в гостях, а сама в бане!

— Господа, впустите же. Так невозможно! Пусть кто-нибудь распишется.

— А вот как спустим с лестницы, так и будет возможно! Сам распишешься, — крикнул уже сам Захар Иваныч.

— Как бы не так! За меня в тюрьме сгниешь! Я человек казенный. Я курьер, приехал с бумагой и медаль привез! — прогремел за дверью голос.

Услыхав эти слова, Захар Иваныч так и всплеснул руками.

— Ах я дурак! Ах ты дура! Впускай скорей! Это мне медаль привезли! — кричал он. — Вот осрамились-то! Жена, огня, свету!

Все засуетилось. Все забегало. Кухарка отворила дверь. В прихожую вошел курьер в шинели с енотовым воротником.

— Извините, пожалуйста! Милости просим! Мы дома... только думали, что какие-нибудь ряженные балуются, — заговорил Захар Иваныч, схватил курьера за руку и начал трясти. — Пожалуйста в залу! Марья, снимай шубу с их благородия! Что идолом-то стоишь!

Курьер нахмурился.

— С лестницы спустить! За спускание нашего брата с лестницы-то знаете куда посылают? — сказал он.

— Ах господи! Да бросьте! Неужто мы и взаправду. Это все она дура — баба. Известно, необразованность.

— Все-таки вы ей сделайте строгое внушение.

— Мало того, в три шеи стоню! Вон, мерзавка, — крикнул Захар Иваныч на кухарку и втащил курьера в залу. — Прошу покорно садиться! Прасковья Никитишна! Огня, закусить и все эдакое!

— Позвольте прежде дело сделать. Получите, — сказал курьер и вручил Захару Иванычу бумагу и коробочку с медалью. — Ну, теперь — с наградой.

Захар Иваныч обнял курьера и поцеловал.

— Извините, что в халате. Ежели желаете, я на минутку переоденусь, — проговорил он.

— Помилуйте, что за церемония! — отвечал курьер и сел.

В доме сделалась суматоха. Прасковья Никитишна побежала в кухню готовить закуску, кухарка бросилась в погреб, лавочный мальчишка начал зажигать в зале стенники, дочь Груша вытаскивала из шкапа новое платье, сын Павля нацеживал из четвертных бутылей водку в графины. Все суетилось. Слышались слова: «Господи, где эта расписная тарелка? Куда это ключ-то девался? Марья! Где моя юбка с фалборнами?» Молодцы в молодцовой от нечего делать давали мальчишкам подзатыльники.

Через полчаса курьер сидел в зале на диване рядом с Захаром Иванычем. Перед ними стоял стол с закусками и винами. Поодаль сидела Груша в новом розовом платье. У дверей стоял Павля и ковырял в носу. Курьер был уже слегка выпивши, хлопал Захара Иваныча по плечу и говорил:

— Жалко, что мы раньше не знали, что вы такой хороший человек, а то бы мы вас вместо серебряной к золотой медали представили... Мы и то, признаться, с генералом советовались.

— А напрасно не узнали... пожаловали бы как-нибудь вечером, выпили, закусили, в горку бы сыграли, в три листика.

— Да ведь некогда-с. Днем занят по горло, а вечером — то в театр, то в клуб, то к начальнику отделения на партиюку в преферанчик, то к столоначальнику...

— Пожалуйте, не забывайте талию... Долбаните.

Хозяин налил гостю стакан хересу.

— Да неловко с одного на каменку-то подавать, — отвечал гость, однако выпил стакан, крякнул и, обратись к хозяйской дочери, спросил: — Часто, барышня, в театре бываете?

— Редко. На масляной «Ермака» смотрела, а с тех пор и не были, — отвечала она.

— Папаша виноват. Погодите, вот мы теперь с ним познакомимся, так уж распотрошим его.

Захар Иваныч рассматривал медаль и говорил:

— А что, разве примерить ее да посмотреть, как она ко мне пойдет? Только в халате-то неловко.

— Нет, уж лучше наденьте сюртук.

Сюртук был надет, медаль привешена. Захар Иваныч стоял перед зеркалом и любовался на свою фигуру. Дочь и сын стояли по бокам и держали по свечке.

— Ну теперь совсем кавалер! — воскликнул курьер.

— Какой же кавалер? Кавалеры в танцах бывают, — сказала дочь.

— В танцах особ статья, а это настоящий кавалер. Ну, Захар Иваныч, теперь бы вам только звезду. Какую-нибудь персидскую «льва или солнца».

— Как льва? — спросил хозяин. — Неужто у них по зверью называются?

— А то как же-с. Ведь они нехристи. У них святых нет. У нас Анны, Александра, Станислава, а у них змеи какой-нибудь, тигра там, крокодила. У мухоедан есть даже орден аспиды и василисы, — рассказывал курьер.

— Скажи на милость! Вот народ-то!

Из прихожей в залу начали заглядывать молодцы. Завидя их, хозяин оборотился к ним лицом.

— Войдите, войдите! Поздравляйте меня, — заговорил он.

Молодцы робко вошли в залу и начали поздравлять.

— Ну, подходите и выпейте!

Молодцы подошли и выпили.

— По второй, по второй!

Молодцы повторили.

— Третью. Бог троицу любит! — командовал хозяин.

После третьей рюмки молодцы начали шептаться.

— Дозвольте, Захар Иваныч, вам многолетие провозгласить? — сказал старший приказчик.

— Валийте!

Молодцы сгруппировались. Басы взяли за подбородки. Тено-ра перекосили глаза и раздалось «многая лета».

Хозяин обнимался с курьером и говорил:

— Друг! Ничего для тебя не пожалею! Бери даже дочь родную! Выпьем!

Пьянство сделалось всеобщее. Хлопали бутылочные пробки, графины дополнялись водкой. Через час хозяин кричал курьеру:

— Друг! Ваше благородие! Едем в «Орфеум» медаль спрыскивать! Едьте и вы! — обратился он к молодцам. — За всех плачу. Всем разрешение вина.

Молодцы бросились за шубами. Прасковья Никитишна начала упрашивать мужа, чтоб он не ехал, но тот не слушал, пихнул ее в грудь и, захватив с собой денег, отправился вместе с гостем на курьерской паре. Молодцы поехали сзади на извозчиках. Домашние стояли у подъезда и провожали. Прасковья Никитишна плакала.

— Ну, теперь поминай как звали! Пожалуй, и к утру не сыщется! — говорила она — Господи, хоть бы лицо-то не разбил! Ведь в Новый год надо начальство поздравлять.

ЧЕРНОЕ МОРЕ (Сцена с природы)

В трактире, на черной половине, сидели два мужика и пили чай. Один из них был пожилых лет, приземист, коряв из лица, в рваном полушубке, другой — молодой, румяный, в новой дубленке, новых валенках и с серьгой в ухе — ухарь-парень: не то разносчик, продающий с лотка, не то фабричный. Молодой читал по складам газету; пожилой звонко прихлебывал с блюдечка чай и глядел прямо в рот читающему. Слышались слова: Черное море... Дарданеллы... могущественный рычаг... гордый Альбион и т. п. К чтению прислушивался сидящий за другим столом старик — сборщик на церковь. На груди его висел мешок с книжкой, на котором был нашит позументовый крест. Пожилой мужчина допил с блюдечка чай, отряхнул в него кусок сахара и перебил чтеца.

— Что же это за Черное море такое? Неужто оно так черное и есть? — спросил он.

— Да надо статься, что черное, а то как же. И белую собаку арапкой не кличут, а ведь это море...

— Скажи на милость! Вот чудеса-то!

— А ты думал как же... Изойди-ка белый свет — чего-чего в нем не найдешь! Даже люди с песьими головами есть. Да вон странным людям всего лучше знать, — кивнул молодой мужик на сборщика. — Не трафилось, почтенный, тебе на Черном море-то бывать? — обратился он к нему.

Сборщик на церковь откашлялся в руку и перекрестился.

— Самому бывать не трафилось, а от людей слышал, — сказал он. — В киевских пещерах сподобил Бог побывать, а на Черном море не был.

— Что ж оно — крепко черное?

— Как уголь.

— И вода черная?

— Что твоя смола! И смрад от него идет сильный.

— Вот в эдаком море окунуться, так и свои не узнают.

— Нельзя — сейчас смерть.

— Тсс!..

Мужики покачали головами. Сборщик воодушевился, погладил бородку и продолжал:

— Моря разные есть, православные. Есть Белое море, и вода в нем белая, и медведи плавают белые. Есть Красное море и вместо воды в нем кровь... А то есть зеленое море — то, значит, река Иордан и херувимы над ним порхают...

— А синее-то забыл? Вон и в песне поется — разыгралось синее море, — вставил слово молодой парень. — Песня — бьль.

— И синее есть... Разные моря есть. Черное море потому черное, что на него проклятие положено. Допрежь того тут три города стояло и в городах этих жили нечестивые, которые забыли свою веру православную и вели блудную жизнь. Что мужчина — то блудник, что женщина — то блудница, младенцы даже, которые рождались, и те сейчас же блудниками и блудницами делались. За грехи свои города эти провалились, и стало на сем месте Черное море.

— Неужто все до единого провалились?

— Осталась только горка, на горке обитель, а в обители этой семьдесят старцев праведных, один другого старее, и самому младшему из них теперича тысяча лет. Обитель эта так посередь моря и

стоит, и стерегут ее черные арапы, от султана приставленные, и всякое истязание старцам творят.

— Скажи на милость! Вот диво-то! Хорошо, коли кто все это знает, — процедил сквозь зубы пожилой мужчина.

— Широко это море-то?

— С одного края на другой не видно — страсть!

— Шире Волги?

— Куда! Почитай, в сто раз шире.

— А далеко оттелева Ерусалим?

— Не могу знать, почтенные, а надо полагать, что близко.

В половине этого разговора в комнату вошли гвардейский солдат и молодая баба в синем шугае и в расписанном платке на голове. Они потребовали чаю. Солдат начал прислушиваться к разговору. Молодой парень по-прежнему задавал сборщику вопросы.

— Ну а чье ж это самое Черное море? — спросил он.

Сборщик замялся.

— То есть как чье? Известно, Божье... Вот старцев этих, что в обители заключены, наши ослобонить хотят, да трудно. Семь мостов строили, и каждый проваливался.

— А на кораблях приплыть нельзя?

— Извергнет, потому — не вода, а смола...

Солдата взорвало. Он вмешался в разговор.

— Старый ты человек, а врешь, — сказал он сборщику. — На кораблях нельзя, так пароходы по нем ходят.

— Что ж, служивый, вам лучше знать. Вы человек бывалый, а мы понаслышке. Люди ложь и мы тож, — отвечал сборщик.

— Так, то-то... Нечего и соваться! Морем этим, почтенные, владеют семь царей, — обратился он к мужикам. — На одном конце владеем мы, на другом — турка, на третьем — китаец, на четвертом — арап, на пятом — немец, только ему препона положена, чтоб не стрелять... на шестом там еще разные...

Солдат остановился.

— Спасибо тебе, служивый! — благодарили его мужики.

— Ну а что это за слово такое, служба? — спросил солдат молодой парень, отыскал в газете и прочел: — «Гордый Альбион с завистью взирает на успехи на Востоке». Альбион-то этот ругательное слово, что ли?

— Хитер больно. Поднеси стаканчик — так скажу, — отвечал солдат.

— А зачем не поднести? Мы и сами выпьем за компанию.

Потребовались три стаканчика. Солдат подсел к мужикам, чокнулся с ними, выпил и сказал:

— Про Наполеона слышали?

— Как не слышать!

— Ну, вот Альбион этот самый Наполеон и есть, потому он теперь с разными пашпортами живет и что ни месяц, то имя свое меняет, — отчеканил солдат.

— Иван Пантелеич, куда ж вы ушли? Я пужаюсь одна, — крикнула солдату баба.

К мужикам подошел сборщик, протянул книгу с крестом, поклонился и нараспев заговорил:

— Порадейте, православные, на построение храма Господня... Великомученицы Параскевы Пятницы!..

Мужики дали по грошу.

В БАНЯХ

Был вечер. Газовые рожки ярко освещали раздевальную комнату Туликовых бань. Народу было не много. В углу, на диване, завернувшись в простыню, лежал пожилой купец с окладистой бородой и пил кислые щи. Поодаль от него раздевался, снимая с себя сюртук с погонами, чиновник военного министерства. В другом углу поп расчесывал гребнем свои мокрые волосы.

В раздевальную вошел молодой купец. Он был в коротенькой шубе, из-под которой виднелись полы халата. Сзади его мальчик в ватном казакине нес узел с бельем. Молодой купец отдал шубу сторожу. Завидя лежащего пожилого купца, он тотчас же крикнул:

— Парамону Иванычу! — и, обратись к мальчику, сказал: — Эй, Мольтка! Неси сюда белье. Здесь будем раздеваться. Знакомые есть.

Молодой купец сел против пожилого. Спросив, хорош ли пар, тепло ли в предбаннике, он начал раздеваться и снова обратился к мальчику:

— Ну, Мольтка?! Снимай с меня сапоги.

Парамон Иваныч прислушался.

— Как ты это его зовешь? Что, кажись, такого и имени в святцах нет? — спросил он.

— Мольткой. Это не имя. Это сосед наш в лавке, Голованов, его так окрестил. Шутник он. Таперича начитался он этих самых газет, про эту политику, значит, и всем названия этих воинов раздал. Кого Трошцу зовет, кого Тьером... а его вот Мольткой прозвал, — рассказывал молодой купец. — Так из газет и хлещет! Сядем в мушку играть — туз пик у него Жуль Фавр, в горку — бардадым бардадымом не называется, а Бисмарком. Саешник, что нас в рядках кормит, — Тьер у него, а соседа нашего Бубликова Рошфором окрестил. Тот смерть этого не любит, сердится. Дело чуть до драки не дошло. К мировому уже хотели подавать, да свои отговорили. Какой я, говорит, Рошфор, у меня христианское имя есть. На что жену свою — и ту Гамбеттой прозвал. Были мы тут как-то на именинах, так она в слезы. «Что, — говорит, — я тебе за Гамбетта досталась! Пятнадцать лет вместе прожили, все была Анна Ивановна, а вдруг Гамбеттой сделалась».

— Безобразник, известно, — процедил сквозь зубы Парамон Иваныч.

— Позвольте, как же он жену Гамбеттой зовет? Ведь Гамбетта мужчина? — вмешался в разговор чиновник военного министерства.

— Да ведь ему все равно. Он так, зря...

— Как мужчина? А отчего же имя женское? — спросил Парамон Иваныч.

— Не женское, а италианское. Он, надо полагать, италианец, а италианцев все так зовут, — пояснил чиновник.

— Поди ж ты! А ведь я думал, что и у талианцев: мужчина так за мужчину идет, а женщина так за женщину. А почему вы знаете, может, эта Гамбетта только в мужское платье переодета. Что ж, говорят, и у нас на Кавказе какая-то женщина воевала, только в офицерское платье переодета была.

— Да нет, вы это бросьте! Голованову, про которого я рассказываю, все равно. Ему какое слово попало на язык, то и ладно, — снова начал молодой купец. — Он вон теперь трактир не иначе, как капитуляций зовет. «Пойдем, — говорит, — в капитуляцию чайку испить да дизентерии по рюмочке выпить». — Чиновник захохотал.

— Как дизентерии? Да ведь дизентерия болезнь. Кровавый понос.

Молодой купец ударил себя по бедрам.

— Что вы? Ну, скажите на милость! А ведь мы думали, что дизентерия значит пьянство. Так и считали. Как же во всех газетах стояло: «В войсках свирепствует дизентерия». Мы и думали, что пьянство. Ведь придумают же эдакое мудреное слово!

— Вы бы уж спросили у кого-нибудь лучше.

— У кого спросить-то? У буфетчика, что ли?

Парамон Иваныч начал охать.

— Что вы? — спросил молодой купец.

— Ногу смерть ломит. По всему телу ломота. То в ребро жиганет, то в ногу, а то плечо... Давеча уж и то перцовкой в бане натерся, думал, что лучше будет, — ничего не лучше.

— Вы бы к доктору...

— К доктору? Нет уж, благодарим покорно! На своей шкуре извели, что эти доктора-то есть.

— Верно, не к хорошему попали.

— Да ведь кто же его знает! Немец как немец. Заболело тут у меня плечо. Ну просто смерть! Всю ночь не спал. Наутро пошел в аптеку. Дай, думаю, полечусь. Пришел. За конторкой немец стоит. Нет ли, говорю, у вас какого снадобья помазаться? Плечо говорю, покою не дает. Посмотрел на меня этот немец, да и говорит: мы, говорит, так дать не можем. Вы к доктору сходите — что он пропишет, то и дадим. Вот здесь, говорит, рядом лечебница есть. Ну что ж, думаю, схожу. Отправился.

Парамон Иваныч остановился.

— Да что, и рассказывать-то не стоит... Срамота одна, — сказал он. — Никому я об этом не рассказывал, потому позор... Узнают у нас в рынке соседи, так еще дразнить начнут.

— Уж рассказывайте, коли начали. Я — могила. Ей-богу, никому не скажу, — ободрил его молодой купец.

— Да что, совестно... Ну, пришел я к этому доктору. Взяли с меня рубль при входе. Выходит сам. Вот ломота, говорю, по всему телу, спать не дает. Дайте, говорю, помазаться. «Надо, — говорит, — посмотреть». И велел мне раздеться. Разделся я. Уж он меня щупал, щупал... «Я, — говорит, — мазаться ничем не даю. Я водой лечу.

Согласны вы?» Согласен, говорю, потому, думал я, что он мне нагоренной воды пить даст, а дело-то вышло, чтоб ему пусто было, не то...

Купец опять остановился.

— Говорите, говорите... — послышалось со всех сторон.

К разговору начал прислушиваться и священник.

Купец продолжал:

— В гроб лягу, а этого леченья не забуду! Повел он меня из этой комнаты как есть нагишом в другую. Вижу — ушаты стоят, пожарные трубы какие-то, два солдата ходят. Робость меня взяла. Своих никого. Ну, драть начнут, думаю. Поставил он меня к какой-то решетке и сказал что-то солдатам. Те начали качать трубы да как жиганут в меня холодной водой. Свету я невзвидел. Начал бегать по комнате, а они из этой трубы в меня вдогонку. Я кричу: отпустите душу на покаяние, а они знай свое делают. Закричал караул. Оставили. Подбегает ко мне немец и говорит: «Позвольте, — говорит, — еще не все. Нужно, — говорит, — еще простыни со льдом». Смирный я человек, а чуть ему в бороду не вцепился. Увидал, что дверь в другую комнату отворена, как жигану туда и ну одеваться! Немец за мной. Я его ругать. Слышу, что-то полицию поминает. Владычица, думаю, унеси ты меня из этого вертепа поскорей! Кой-как накинул я на себя одежонку и драло домой! Даже чулки и жилетку у этого самого доктора забыл. Бегу по улице, а сам зуб на зуб не могу попасть. На улице мороз. Проходящие на меня смотрят, потому я как тигра какая бежал. Прибежал домой, и ударило меня вдруг в пот. Жена, дети спрашивают, что со мной, а я молчу. Потому как скажешь? Срам! Как ни допытывались, как ни спрашивали, так и не сказал. Жена в слезы и наутро молебен служить. О чулках и жилетке — ни гугу! Так и пропали! Так вот они, доктора-то!

Присутствующие начали хохотать.

— Ведь вы это в водолечебницу попали, — сказал чиновник военного министерства. — Знаете, лечение это от многих болезней помогает.

— Помогает или не помогает, а только, верите ли, положи мне сейчас пятьсот рублей и скажи «Иди к доктору» — не пойду. Потому шестой я десяток на свете живу, а эдакого срама не видал!

К рассказчику подошел парильщик.

— Там перцовки-то еще осталось. Коли не будете больше терпеться, так я выпью ее... — сказал он.

— Пей... — отвечал купец.

ЕГО СТЕПЕНСТВО

(Сцена с натурой)

Десятый час вечера. Зала увеселительного заведения «Орфей-ум» освещена, но пуста, как говорится, хоть шаром покати. Оркестр музыки что есть силы отхватывает «Пробуждение льва». Дирижер старательно помахивает смычком. Из дверей зимнего сада в залу выглядывают лакеи с салфетками под мышками и зевают самым аппетитным образом. По зале прохаживается единственный посетитель — лысый купец с седой бородой и в высоких сапогах со скрипом. Он, видимо, скучает, по временам садится на скамейки, щупает на них материю, с глубоким вздохом вынимает из кармана гребенку и расчесывает волосы на висках, но наконец, сердито плюнув, уходит в буфетную комнату и, подойдя к буфету, начинает рассматривать расставленные на нем яства и пития. Дремавший до сего времени буфетчик вскакивает с места.

— А что, любезняк, когда начнется у вас представление-то? Пропечатано было, что в восемь часов... — обращается купец к буфетчику.

— Уж началось...

— Ой! А нешто цыгане петь не будут?

— Не будут-с.

— И ломаться не будут?

— Не будут-с.

— Как же даве в трактире молодцы сказывали, что у вас разные колена выкидывают?

— Шведские певицы уже петь будут.

— Что ж, и народу больше не подсыплет? Аль еще поднавалит? Ведь этак прогорите...

— У нас публика собирается часов в двенадцать, после театра, из гостей...

— Скажи на милость! А у нас, мы ржевские будем, приезжие, об эту пору третий сон отхватывают.

— Это как где... Где какое заведение, а у нас столица.

— У вас водки-то всякие есть?

— Всякие: рябиновая, допелькорн, киршвасер, померанцевая...

— Вы сами-то не тверские будете? По облику-то как бы наши...

— Нет, мы здешние...

— Так... И листовка у вас есть?

— Есть...

— Ну так дай-ка мне рюмку простой, за пяточок, да побольше...

Буфетчик отвечает, что пяточковой рюмки нет, а все по десять копеек. Купец начинает торговаться. Высчитывает, сколько рюмок выйдет из ведра и почему каждая придется себе, требует даже счета, но наконец, убежденный буфетчиком, что «каждый соблюдает свой барыш», выпивает рюмку и требует на закуску сухарика.

— У нас сухарей не полагается вот букиврот пожалуйста...

— Окрестись лучиной! Стану я в Великий пост скоромь есть! Да мне на нее и глядеть противно.

— Вот с икрой-с.

— С икрой! Мы и рыбы не вкушаем. А булки-то у вас чем подмазаны? Нет, уж лучше так, без закуси. Икру-то почему покупаете? Сплавная аль багреная? — задает он вопрос, советует держать «для гостей сухарики и капустку», уходит в зало, но через несколько времени снова возвращается.

— А что, чайком побаловаться можно? — спрашивает он буфетчика.

— Сколько угодно-с.

— Поди, ведь на пятнадцать копеек собираете?

— У нас порциями. Полпорции стоит сорок копеек.

— Что-о? Однако тоже грабить умеете... Ведь у вас, поди, с сахаром, а мы по постам с медом или изюмом... потому скоромь.

— У нас меду не требуют.

— Ну так дайте-ка лучше рюмку простой... плесни вон в ту... Вы, братцы, пожалейте... мы деньги-то горбом достаем...

Буфетчик наливает рюмку.

— Не жалей, не жалей! Что обмериваешь-то? Тоже, верно, углицкий клей!

— У нас по положению...

— Что ты мне зубы-то заговариваешь? Знаем тоже... не несмышленки. У меня сын в твои годы, да и у сына четверо ребят.

Минут через пять купец требует еще рюмку и предлагает выпить с собой за компанию буфетчику.

— Заплачу. Авось сможем... — говорит он. — А ежели хозяина боишься, так присядь под выручку да там и колдыбни! Ключь, полно! Сади, знай!

Буфетчик наотрез отказывается.

— Ведь не с мазуриком пить будешь! Мы, брат, по первой гильдии, две медали имеем и к празднику третью ждем. Что брюхо-то у нас масляное, так это пустое!.. Попа и в рогоже знают... У нас везде доверие... По две, по три тысячи без расписки перехватываем...

Три рюмки, выпитые одна за другой, отуманивают купца. Он уже не отходит от буфета, требует себе четвертую рюмку и начинает рассказывать о своем патриархальном житье-бытье в Ржеве, о своей торговле, о сыне, который «без спросу не смеет ни-ни»...

— У меня в доме все по струнке... К обеду ежели, так все гуськом... в баню — гуськом. У нас по постам чтобы скоромь — божье избави! Сквороды после мясоеда и те выжигаем. У нас благочестиво. Мы, почитай, по шести раз в год иконы на доме подымаем. У меня жена молодая, я на второй женат, но чтобы драка была — никогда! Только раз и потерябил, да и то за дело... А что, поднеси-ка мне водочки-то какой получше... заморской... — заканчивает он.

— Киршвасеру не желаете ли? Пятьдесят копеек рюмка будет стоить.

— Еще разговаривать! Цеди!.. Захотим, так весь твой буфет десять раз купим!

К буфету подходит офицер, требует рюмку коньяку и пристальное смотрит на расплачивающегося из бумажника купца. Из бумажника выглядывают сотенные, пятидесятирублевые бумажки.

— Что, барин, смотришь? — обращается купец к офицеру. — Поди, думаешь, зачем это старый пес в вертеп привалил? А я, брат, нарочно... Потому у меня сын есть. Буду в Питер его посылать, так предупрежу... Вертеп, мол, есть там один, так не ходи!

Офицер улыбается.

— Нечего улыбаться-то, а ты вот лучше не погнушайся да выпей со мной, стариком. Хорошеньким угощу. Мы тоже знаем, как себя соблюдать: и с генералами за одним столом сиживали.

Офицер отходит.

— Вы гостей не тревожьте. Они сами по себе, а вы сами по себе... — замечает буфетчик.

— Дайте рюмку мараскину в долг до конца вечера, — обращается к буфетчику какая-то разряженная бабочка. — Ужо гостя найду, так отдам.

Буфетчик наливает. Бабочка пьет и отходит. Купец смотрит ей вслед масляными глазами и говорит буфетчику:

— Из прелюбодеек, поди, барышня-то?

— Да ведь у нас всякие ходят, потому место гулеванное... — отвечает буфетчик.

— А что, окликать ее можно? — И, не дождавшись ответа, купец кричит: — Барышня! Умница! Как вас?.. Вернитесь!

— Татьяна Ивановна! — присоединяет свой голос буфетчик.

Бабочка подходит к купцу.

— Вы не тверские будете? Родители-то у вас есть? Который годок-от тебе пошел? — закидывает он ее вопросами.

— Можно взять пару апельсинов? — спрашивает она вместо ответа.

— Бери, писаная... бери! Авось не разоримся!

— А вы коробку конфет мне купите?..

— Вали, что спрашивать! Сядем вот только к столику да потолкуем. Мы хоть старенькие, а добрые!

Они садятся к столику близ буфета. Купец гладит ее по плечу и говорит:

— Вишь, какая сдобная, что твоя сайка московская! Тятенька у тебя есть ли?

— Можно еще взять апельсин? Это я для подруги...

— Да что тут разговаривать? Держи подол!

Купец берет с буфета вазу с фруктами, высыпает ей в колени и кричит:

— Малый! Прислужающий! Дай-ко две бутылочки холодненького!

— Зачем же две-то? Одной будет, а вы лучше мне зелененькую на память подарите.

— Толкуй тут! Разойдется! Ты позови только товарок, так я еще парочкой удовлетворю.

Через полчаса около купца сидело уже несколько девушек. На столе стояло до полдюжины порожних бутылок из-под шампанского, блюдечки с мороженым, с фруктами. Девушки хохотали, шептались и называли купца Иваном Спиридонычем и «вашим степенством». Само степенство потопывало ногой в такт под музыку и пело:

«Здравствуй, милая, хорошая моя»...

— Здесь петь невозможно, потому безобразия, — останавливал степенство служитель. — Вы, пожалуйста, в отдельную комнату или в сад, в беседку. Там у нас фонтан и всякие рыбы плавают. Коли желаете сварить, и зажарить можете...

— Ты понимаешь, я в Великий пост рыбы не вкушаю! Грибков — так прикажи отварить! — кричал купец — Эй, ты, шустренька! Востроглазая! Придвигайся ближе! — обратился он к одной из девушек. — Ближе, ближе... Садись ко мне на колени!

— Тут нельзя... народ... — проговорила девушка.

— Это тоже невозможно, ваше степенство. Пожалуйста в отдельную комнату и там что угодно... — увещевал служитель.

— Дура! Не обхватая... Садись — знай! Цела останешься!..

Девушки начали уговаривать купца идти в отдельную комнату, схватили его под руки и потащили.

— У меня, крали писанные, жена молодая. Драки у нас — ни в жизнь!.. И я ее страх люблю! — говорил купец по дороге.

— Можно мне братца с собой пригласить и нашу хозяйку? — спрашивала у него кака-то молоденькая девушка.

— С которого боку братец-то? Ну да вали, вали! Авось не обопьет! Вы, девушки, меня только полюбите... Я человек простой, одно слово — шуба!

Входя в отдельную комнату, купец кричал:

— Прислужающий! Зови сюда арфянок и певиц разных! За все плачу!

Часа в четыре купца выводили из комнаты под руки двое лакеев. Двое других лакеев шли впереди со свечами. Купец еле стоял на ногах.

— Где вы живете, ваше степенство? — спрашивали они его. — Мы вас как есть в целости предоставим...

— В Мариинской гостинице... В Мариинской... — мычал он.

— Иван Спиридоныч, поедemте к нам... — упрасивали его две девушки.

— Брысь вы, вороны! Почуяли пададь! — огрызались на них лакеи. — Нешто не видите, что человек совсем намок...

— Я, брат, так не пойду!.. Не пойду!.. Тащи на подъезд еще бутылку! Выпью и тогда поеду...

— Нельзя, ваше степенство! Все заперто, буфетчик спит!

— Мне нельзя? Мне?.. Да знаете ли вы, собачьи дети, что у меня везде доверие? — бушевал купец. — Я, брат, в своем месте колокольню выстроил! Все мне в пояс... Пять, десять тысяч сейчас без расписки... Да знаешь ты, что когда я в Москве бываю, так на книжку в баню хожу!

— Пожалуйте, ваше степенство!.. Не извольте брыкаться...

У подъезда купца посадили в сани. Один из лакеев сел с ним рядом. В церкви у Николаы ударили в колокол к заутрене. Купец хотел перекреститься, снял с головы картуз, но тотчас же уронил его.

— Сидите смирно, ваше степенство! Уж дома сотворите молитву, — сказал лакей и крикнул извозчику: — Пошел!

Николай Лейкин

Новый год

Руководители проекта *В. Лошак, С. Кондратов*

Редактор *Н. Саркитов*

Художественный редактор *Е. Поляков*

Корректор *И. Яковенко*

Компьютерная верстка *В. Круглова*

Подписано в печать 29.08.08 г.

Формат 70x108 ¹/₃₂. Бумага газетная.

Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная.

Тираж 48 000 экз. Заказ № 0808980.

ТЕРРА—Книжный клуб.

127206, Москва, Чуксин тупик, д. 9.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»

150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Народная библиотека «Огонька»

С 1 июля в каждом отделении Почты
открыта подписка на следующие издания:

Универсальный словарь: В 4 томах	1390 р.	Кассиль А. Собрание сочинений: В 5 томах	1400 р.
Большая Энциклопедия «Терра»: В 62 томах	74400 р.	Колетт С.-Г. Собрание сочинений: В 7 томах	1274 р.
Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 полутомах	68000 р.	Кристи А. Собрание сочинений: В 13 томах	1885 р.
Популярная Энциклопедия: В 20 томах	6200 р.	Манн Т. Собрание сочинений: В 8 томах	2240 р.
Детская Энциклопедия: В 10 томах	4620 р.	Мериме П. Собрание сочинений: В 5 томах	1250 р.
Энциклопедия «Великий час океанов»: В 5 томах	2250 р.	Монтень М. Опыты: В 3 книгах	890 р.
Андерсен Х.-К. Собрание сочинений: В 4 томах	1520 р.	Моруа А. Собрание сочинений: В 10 томах	2580 р.
Библиотека античной литературы: В 10 томах	3200 р.	Песков В. Сочинения: В 9 томах	2520 р.
Блок А. Собрание сочинений: В 6 томах	1280 р.	Похлебкин В. Сочинения: В 6 томах	1450 р.
Бунин И. Собрание сочинений: В 9 томах	1830 р.	Родари Дж. Собрание сочинений: В 4 томах	1220 р.
Буссенар А. Собрание сочинений: В 10 томах	2710 р.	Софья де Сегюр. Собрание сочинений: В 5 томах	1275 р.
Волков А. Собрание сочинений: В 4 томах	860 р.	Соловьев Вс. Собрание сочинений: В 9 томах	2080 р.
Гарт Б. Собрание сочинений: В 6 томах	1560 р.	Тэффи. Собрание сочинений: В 5 томах	905 р.
Герцен А. Избранные произведения: В 5 томах	1255 р.	Уэдсли О. Собрание сочинений: В 6 томах	1308 р.
Гоголь Н. Собрание сочинений: В 7 томах	1610 р.	Флеминг Я. Собрание сочинений: В 7 томах	1540 р.
Гранин Д. Собрание сочинений: В 5 томах	1075 р.	Фолкнер У. Собрание сочинений: В 6 томах	1194 р.
Грин А. Собрание сочинений: В 6 томах	1242 р.	Хаггард Г. Р. Собрание сочинений: В 12 томах	2880 р.
Диккенс Ч. Собрание сочинений: В 20 томах	4200 р.	Чарская Л. Собрание сочинений: В 5 томах	910 р.
Долгополов И. Мастера и шедевры: В 6 томах	1500 р.	Чуковский К. Собрание сочинений: В 5 томах	1025 р.
Ефремов И. Собрание сочинений: В 8 томах	2160 р.	Ян В. Собрание сочинений: В 5 томах	1310 р.